

УДК 81'255.2

DOI: 10.28995/2686-7249-2020-2-103-113

Перевод Г. Барабтарло неоконченного романа
В. Набокова «Лаура и ее оригинал»
в контексте традиций художественного перевода

Екатерина А. Баракат

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, katerina.barakat@gmail.com*

Аннотация. В центре статьи – последний неоконченный англоязычный роман Владимира Набокова “The Original of Laura” и его перевод на русский язык Геннадием Барабтарло. Автор анализирует переводческую стратегию Барабтарло, используя методологический инструментарий, предложенный Жозе Ламбером и Хендриксом ван Горпом. Отправной точкой исследования стал тезис Барабтарло об отречении от ненавистной ему советской школы перевода в связи с тем, что в рамках реалистического перевода применяется насилие над оригиналом. Тем не менее автор приходит к заключению о том, что переводческая стратегия Барабтарло представляет собой синтез постулатов советской и западной традиций художественного перевода, и в частности пример постепенно набирающей обороты тенденции к большей форенизации. Однако перевод Барабтарло – один из примеров чрезмерно буквального перевода. Переводчик старается максимально приблизить читателей к оригиналу и сохранить в переводе все литературные приемы, в особенности продемонстрировать двусмысленность многих фрагментов, направляя читателя в том числе с помощью всевозможных комментариев. Нередко Барабтарло старается быть настолько близким к оригиналу, конечно, в том виде, в котором он понимает его, что порой принимает довольно неординарные переводческие решения.

Ключевые слова: Владимир Набоков, перевод, форенизация, буквализм, советская школа перевода

Для цитирования: Баракат Е.А. Перевод Г. Барабтарло неоконченного романа В. Набокова «Лаура и ее оригинал» в контексте традиций художественного перевода // Вестник РГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 2. С. 103–113. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-2-103-113

© Баракат Е.А., 2020

G. Barabtarlo's translation
of V. Nabokov's unfinished novel "The Original of Laura"
in the context of literary translation traditions

Ekaterina A. Barakat

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
katerina.barakat@gmail.com*

Abstract. The article is focused on the last unfinished English novel by Vladimir Nabokov "The Original of Laura" and its translation into Russian by Gennady Barabtarlo. The author analyzes the translation strategy of Barabtarlo, using the methodological tools proposed by José Lambert and Hendrik Van Gorp. The starting point of the study was Barabtarlo's thesis about the renunciation of the Soviet translation school that he hated due to the fact that in the framework of realistic translation translators used violence against the original. Nevertheless, the author comes to the conclusion that the translation strategy of Barabtarlo is a synthesis of the postulates of the Soviet and Western traditions of literary translation, and in particular, is an example of a gradually growing trend towards foreignization in translation. However, the Barabtarlo's translation is one example of an overly literal translation. The translator tries to bring the readers as close as possible to the original and preserve all literary techniques in the translation, in particular, to demonstrate the ambiguity in many fragments, guiding the reader and using all kinds of comments. Barabtarlo tries to be so close to the original, that he sometimes takes rather unusual translation decisions.

Keywords: Vladimir Nabokov, translation, foreignization, literal translation, Soviet school of translation

For citation: Barakat, E.A. (2020), "G. Barabtarlo's translation of V. Nabokov's unfinished novel 'The Original of Laura' in the context of literary translation traditions", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 2, pp. 103–113, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-2-103-113

В рамках статьи мы обратимся к одному из самых известных переводчиков Набокова, фигуре довольно неоднозначной, но чрезвычайно важной и интересной благодаря его вкладу в освоение набоковского наследия. Геннадий Александрович Барабтарло (1949–2019) – переводчик и литературовед-славист, который, как и Владимир Набоков, обрел свою вторую родину в США. Свою исследовательскую карьеру Барабтарло начал в СССР, а в 1979 г. эмигрировал в США, где продолжил заниматься литературой.

До 2017 г. Барабтарло заведовал кафедрой германской и русской словесности в Университете Миссури [Барабтарло 2017]. В контексте творчества Набокова он известен благодаря переводам и критическим работам о художественном мире Набокова, и прежде всего благодаря его переводу на русский язык последнего незавершенного творения писателя романа “The Original of Laura” и более ранних романов “Pnin” и “The Real Life of Sebastian Knight”.

Обратимся к ключевому для данной статьи роману “The Original of Laura”. Вопреки последней воле Набокова – автор настаивал на сожжении рукописи “The Original of Laura” в случае ее незавершенности, фрагменты романа были опубликованы сыном Набокова Дмитрием в 2010 г. Роман представляет собой сто тридцать восемь библиотечных карточек-черновиков, расположенных в той последовательности, в которой они были найдены (за исключением нескольких фрагментов), при этом лишь некоторые карточки пронумерованы. Действие романа происходит в Америке 1970-х гг. В романе намечено три сюжетных линии: главной героини, молодой распутницы Флоры, ее немолодого мужа ученого-невролога Филиппа Вайльда и «романа в романе», созданного любовником Флоры.

В издании «Лауры и ее оригинала» на русском языке размещена статья-комментарий Барабтарло «Лаура и ее перевод» [Барабтарло 2010] – вероятно, одно из наиболее значимых в ряду немногочисленных работ, посвященных роману. В своей статье он рассказывает о романе, выделяет смысловые центры и разъясняет свою переводческую стратегию, которая преимущественно заключается в отречении от традиций советской школы перевода. Ключевой тезис Барабтарло, послуживший отправной точкой для исследования: «Как раз так называемая советская школа перевода привыкла к насилию над оригиналом, и там действительно и собственное правописание, и собственная гордость, и на буржуев смотрят свысока и переводят их по-свойски» [Барабтарло 2010, с. 98].

Незадолго до публикации «Лауры и ее оригинала» в России в сентябре 2009 г. Барабтарло дал интервью «Книжному кварталу» – приложению, посвященному литературе к изданию «Коммерсант.ру», в котором пояснил свою позицию относительно советской школы. Барабтарло категоричен в своих суждениях, в его ответе чувствуется явное пренебрежение к переводчикам эпохи СССР. Имеет смысл привести цитату целиком, так как в ней Барабтарло очень определенно обозначает свою позицию:

Но только в колоссальном истребительном и вместе перевоспитательном лагере С.С.С.Р. переводчик, по известным всем причинам, сделался довольно заметным лицом, чем-то вроде раздатчика баланды.

Составились товарищества, под-союзы, секции с привилегиями, соизмеримыми с таковыми советских писателей-хлебобрезов, которые, правда, обычно уступали переводчикам в отношении нравственности, таланта и общей культуры. Установилось даже учение об особенной советской *школе перевода*, может быть по модели фигурного катания, женского дискотетания или шахмат. В остальном же мире (как оно, впрочем, было и в России) имя переводчика набирается петитом и до него никому, кроме родных, нет дела, как нет никому дела до имени толмача на переговорах или посольского драгомана, и это совершенно естественно и так и должно быть. (Впрочем, я не имею здесь в виду переложения поэзии, где нередко случалось, что дарование и мастерство переводчика превосходили и покрывали собою вялый оригинал) [Барабтарло 2011, с. 438].

В другом интервью Барабтарло объясняет причину, по которой занялся переводом «Лауры и ее оригинала», – из противостояния советскому жаргону. Переводчик не приемлет нынешний русский язык и не скрывает презрения к этому наследнику советской эпохи, претерпевшему массу изменений под гнетом страны Советов. Барабтарло уверен в том, что Набоков задумал самостоятельно переводить свои творения, «чтобы они были переведены “по-русски” – не на совжаргон и не на совжурналингов, а на романтический и точный русский язык» [Барабтарло 2010, с. 95]. В своей монографии «Сочинение Набокова» Барабтарло не скрывает, что язык перевода вызвал критику в его адрес, несмотря на кажущееся переводчику исчерпывающим обоснование, данное в послесловии и многочисленных интервью.

Таким образом, Барабтарло озвучивает следующие черты своей переводческой стратегии, противопоставленной советской традиции: буквализм во избежание насилия над подлинником, тем не менее допускаются отклонения в сторону описательного перевода, если это необходимо для достижения большей точности; естественность и изящество текста перевода; «незаметность» переводчика в тексте перевода и в жизни [Venuti 2017]; отказ от «советского жаргона» в пользу «идеального» русского дореформенного языка.

В качестве модели анализа мы выбрали метод из дескриптивной теории перевода и описанный в статье “On describing translations” Жозе Ламбером и Хендриксом ван Горпом [Lambert, Gorp van 1985, p. 42–53]. Исследователи предлагают комплексную методологическую структуру, которая позволяет изучать различные аспекты перевода в контексте общей теории перевода. Сильную сторону своего подхода Ламбер и ван Горп видят в том, что он не

сосредоточен на традиционных идеях о «верности» и «качестве» перевода, представленная схема не ориентирована сугубо на отношения источника и перевода, а рассматривает перевод как часть целого, как часть динамичной системы, с учетом исторического и культурного контекстов.

В первую очередь, в соответствии с выбранной методологией обратимся к анализу на макроуровне – к предварительным данным, а именно к изданиям. Мы пользуемся английским изданием романа “The Original of Laura”, опубликованным издательством Penguin classics в 2009 г.¹ В книгу входят: предисловие Дмитрия Набокова, фотокопии черновиков с расшифровкой текста, заметки к тексту и заметки об авторе. Издание романа «Лаура и ее оригинал» опубликовано на русском языке Издательской группой «Азбука-классика» в 2010 г. в Санкт-Петербурге². В издании присутствуют: предисловие Дмитрия Набокова; перевод романа “The Original of Laura”; статья-послесловие переводчика Геннадия Барабтарло; фотокопии библиотечных карточек, на которых был записан роман; текст-расшифровка карточек.

Для нашего анализа важны и метатекстовые элементы; так, помимо уже перечисленных элементов, есть и постраничные сноски, которые играют далеко не последнюю роль. Интересно, что шесть сносок, внесенных в издание на английском языке Дмитрием Набоковым, Барабтарло предпочел не переводить вообще.

Заметим, что сноски переводчика крайне занимательно исследовать, так как они разнообразны: в одних он поясняет иноязычные обороты, которые не перевел на русский язык, например, к выражению *tant pis* он делает сноску «Тем хуже». В других сносках переводчик демонстрирует свою эрудицию. Например, он обращает внимание, что слова «прекрасное дитя», как он переводит набоковское *a lovely child* – это «последние слова неоконченной “Русалки” Пушкина». Также переводчик считает необходимым оставить комментарии и в предисловии Дмитрия Набокова.

Нередко Барабтарло в сносках комментирует свои переводческие решения. Например, он объясняет, почему выбрал для перевода имени *Daisy* Далия – «У Набокова здесь *Daisy*, ромашка, подчеркнуто флоральное имя, но неудобное по-русски, отчего пришлось выбрать для нее другой цветок»³. Довольно логичное

¹ *Nabokov V. The Original of Laura (Dying is Fun) / Ed. by Dmitri Nabokov. New York: Penguin Classics, 2009.*

² *Набоков В.В. Лаура и её оригинал: фрагменты романа / Пер. с англ. Г. Барабтарло. СПб.: Азбука-Классика, 2010.*

³ Там же. С. 31.

объяснение: создается впечатление, что переводчик выбрал именно этот эквивалент для цветка, потому его название начинается на ту же букву, что и имя *Daisy*.

Но все же в основном сноски носят пояснительный характер и предназначены для так называемого широкого круга читателей. В частности, он комментирует некие культурные конвенции или реалии, по его мнению, незнакомые потенциальным читателям-обывателям.

Барабтарло раз за разом поясняет особенности произношения слов английского языка, образующих особенные созвучия, создающие особый текстуральный и звуковой узор, игру слов, метафоры и многие другие элементы, которыми Набоков насыщает свой текст, но которые практически невозможно точно передать в переводе (например, игру имен *Flora–Laura*).

Кроме того, Барабтарло посредством сносок старается донести до читателя непередаваемые каламбуры Набокова, которые ему не удалось сохранить в русском переводе, например, такие созвучные *Asparagus* и *Aspirin* (о чем Барабтарло сообщает нам в сноске) становятся менее созвучными «спаржей» (возникает вопрос, почему переводчик не сохранил в переводе «аспарагус») и «аспирином».

Однако некоторые сноски Барабтарло выглядят избыточными. Так он комментирует пассаж:

Положенье ее головы, доверчивая близость этой головы, ее благодарно сложенная ему на плечо тяжесть, щекотанье ее волос оставались неизменны всю дорогу; и однако, она не спала и с превеликой точностью остановила таксомотор и вышла на углу улицы Гейне, не слишком далеко, но и не слишком близко от ее дома.

Примечание Барабтарло: «Не делая никаких выводов, можно заметить акустическое сходство имени героини «Моей Лауры» с рейнской сиреной из известной поэмы Гейне “Лорелея”»⁴.

Конечно, акустическое сходство есть, но следует ли вообще создавать такой комментарий, если он не несет никаких выводов, на что указывает и сам переводчик. Возможно, если более внимательно заняться этим вопросом, действительно обнаружится аллюзия на поэму Гейне, но стоит ли уделять этому внимание непосредственно в тексте романа?

С помощью комментариев переводчик старается как можно точнее, по его мнению, передать оригинал и прояснить все неоче-

⁴ Набоков В.В. Указ. соч. С. 26.

видные и даже очевидные места – все, что Набоков успел вплести в довольно-таки рваную ткань романа. Данная стратегия очень схожа со стратегией Набокова, которой он придерживался в переводе «Евгения Онегина», вспомним гигантский комментарий, созданный как раз для того, чтобы творение Пушкина было максимально точно передано на английском материале. Барабтарло, конечно, не смог сравниться со своим кумиром (комментарий Набокова был в четыре раза больше самого перевода), но все же приблизился к нему. Его статья-послесловие, в которой также есть постраничные сноски, своеобразный автокомментарий и постраничные сноски немногим меньше объема перевода.

Если говорить о композиции, то и в этом отношении Барабтарло не остается безучастным, переместив карточки 110–114 в конец книги, поскольку он считает, что они представляют собой финал романа, во-первых, из-за обозначений на них, а во-вторых, из-за заключительной фразы Флоры *You'll miss your train*, в которой Барабтарло видит аллюзию на более ранние романы. Таким образом, Барабтарло придает неоформленному материалу ощущение завершенности и вписывает роман в мир набоковского творчества.

Мы можем сделать вывод, что переводчик старается максимально приблизить читателей к оригиналу и сохранить в переводе все литературные приемы, в особенности продемонстрировать двусмысленность многих фрагментов, направляя читателя в том числе с помощью всевозможных комментариев. Нередко Барабтарло старается быть настолько близким к оригиналу, конечно, в том виде, в котором он понимает его, что порой принимает довольно неординарные решения. Обратимся непосредственно к анализу на микроуровне – анализу текстов источника и перевода, и сравнивая их, мы с первых страниц заметим, что перевод Барабтарло довольно своеобразен. Вот основные особенности перевода: а) неоправданная стилизация вследствие выбора устаревшей лексики; б) смысловые неточности; в) потеря амбивалентности.

Действие романа происходит в 70-х гг. XX в. в Америке. Уже такого, достаточно общего описания достаточно, чтобы задаться вопросом, оправдана ли замена стилистически нейтральных английских слов устаревшей русской лексикой. На протяжении всего романа Барабтарло так или иначе вводит элементы, характерные скорее для русской культуры рубежа XIX–XX вв. для передачи нейтральных и общеупотребительных слов, например, *foods* он переводит как «снедь», *shopgirls* как «приказчики», *fridge* как «ледник», *bleak* как «хладный». Приведем несколько примеров:

Flora spotted at once the alien creams in the bathroom and the open can of Fido's Feast next to the naked cheese in the cluttered fridge.	Флора тотчас заметила в ванной чужие лосьоны, а в набитом всякой всячиной леднике открытую жестянку с собачьими консервами рядом с обнаженным сыром.
On the way back the distal edge of the right slipper lost its grip and had to be pried at the grateful heel with a finger for shoeing-horn.	На обратном пути наружный краешек правой туфли подвернулся, и пришлось его выпрастывать из-под благодарной пятки пальцем вместо рожка.

Во-вторых, он допускает грубые смысловые ошибки, переводя *oh they were a great hit* как «их поднимали как пыль» или французское обращение *Madame* как «барыня».

Black fans and violet ones, fans like orange sunbursts, painted fans with dubtailed Chinese butterflies oh they were a great hit, and one day Wild came and bought five...	Веера были черные и лиловые, были оранжево-лучистые, как брызнувшее из-за туч солнце, а были разрисованные китайскими бабочками-парусниками, и их поднимали как пыль, и однажды Вайльд зашел и купил сразу пять штук (она на пальцах показала, что – «пять»...
he said "No, I've been ordered to give this to Madame herself". "You French?"...	он сказал: «Нет, мне приказано передать барыне в руки». «Ты француз?»...

Кроме того, ему не всегда удается сохранить амбивалентность в переводе, а амбивалентность – важнейшая черта художественного мира Набокова.

The "I" of the book is a neurotic and hesitant man of letters who destroys his mistress in the act of portraying her.	Первое лицо книги – страдающий невротами, неуверенный в себе литератор, который создает образ своей любовницы и тем ее уничтожает.
---	--

Конечно, находятся и удачные переводческие решения, но их, к сожалению, не так много.

Прежде чем озвучить вывод, напомним, что свою позицию переводчик обозначает как противостояние «советской школе перевода». Отрекаясь от советской школы, он, соответственно, причисляет себя к западной школе перевода. Тем не менее если обратиться к основным работам представителей советской и западной школ, можно установить, что в целом между советской и западной традициями

перевода есть много общего⁵. Доминирующей нормой выступает, несомненно, всеобъемлющая доместикация переводных текстов. И в СССР, и на Западе [Venuti 2017] приветствуется доступный, «сглаженный» [Pevear 2007], читабельный дискурс, не вызывающий затруднений при чтении и создающий впечатление самостоятельного литературного произведения. Возможно, это явление на Западе можно объяснить потребительским отношением, в том числе и к литературе. Общество потребления, каковым является современное западное, сформированное во второй половине XX в., отмечено массовым потреблением материальных благ и формированием соответствующей системы установок и ценностей. Если посмотреть на ситуацию с точки зрения перевода иностранной литературы, то, несомненно, верной становится стратегия доместикации в переводе, ведь книга – такой же потребляемый продукт, как и все вокруг, поэтому издательствам выгодно публиковать переводы, написанные гладким, читабельным языком.

В ситуации СССР, конечно, доминирующий фактор был другим – идеология. Реалистический перевод был призван служить главенствующей идеологии, а именно социалистическому реализму. Реалистический метод был выбран как самое настоящее оружие (именно в таких категориях нередко рассуждают советские переводчики) против всего чужого и непривычного в литературе, против стилистической полифонии и для создания единого стиля и эстетики. Эта тенденция стала набирать обороты в 1920-х и достигла своего расцвета к 1950-м. Марксистско-ленинская доктрина принуждала создавать переводы на доступном и естественном для советского читателя языке, соответственно, и переводчику приходилось ориентироваться не на зарубежного автора, а на своего читателя.

Тем не менее и в советской, и в западной школе в последнее время как в России, так и на Западе постепенно набирает обороты тенденция к большей форенизации перевода. В западном переводеведении налицо стремление уйти от доместикации, то есть от «гладкого» дискурса, подогнанного под стандарты принимающей

⁵ Говоря о «советской школе перевода», мы имеем в виду 1930–1980 гг., так как советские ученые уже в 30-е гг. начали теоретизировать переводоведение. Под «западной школой перевода» мы подразумеваем европейских и американских теоретиков и практиков перевода 1960–2000 гг. Мы говорим о таких временных отрезках, потому что как переводчик Барабтарло, предположительно, сформировался в русле идей, возникших в 1970–1990 гг., а все предшествующее было для него непосредственным бэкграундом.

культуры и языка перевода в пользу сохранения самобытных черт оригинала. В современной отечественной практике переводчики, свободные от советских идеологических запретов и шор, стремятся приблизить русского читателя к иноязычному оригиналу (достаточно вспомнить мнение М.Л. Гаспарова о том, что перевод должен создавать впечатление чужого, иноязычного произведения).

Что касается перевода романа “The Original of Laura”, проведенный нами анализ русского перевода обнаружил стремление переводчика сохранить черты оригинала в переводе. Ради этого он создает огромное количество примечаний, пишет статью-послесловие, в которой старается объяснить читателю свои переводческие решения и рассказать о проблемах, с которыми он столкнулся в работе над текстом. Тем не менее перевод Барабтарло – один из примеров чрезмерно буквального перевода.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что переводческая стратегия Барабтарло представляет собой синтез постулатов советской и западной традиций художественного перевода. Несмотря на откровенное отречение самого переводчика от первой, он «с удовольствием играет по ее правилам» [Идов 2009], как сказал один из рецензентов. Его ни в коем случае нельзя назвать скромным или же незаметным переводчиком, он явно демонстрирует свое «звездное» положение. Кроме того, его перевод представляет собой самое настоящее насилие над оригиналом.

Источники

- Набоков В.В.* Лаура и её оригинал: фрагменты романа / Пер. с англ. Г. Барабтарло. СПб.: Азбука-Классика, 2010.
- Nabokov V.* The Original of Laura (Dying is Fun) / Ed. by Dmitri Nabokov. New York: Penguin Classics, 2009.

Литература

- Барабтарло 2017 – *Барабтарло Г.А.* Биография переводчика // Набоков В. Пнин: Роман / Пер. с англ. Г. Барабтарло при участии В. Набоковой. СПб.: Азбука, 2017. 320 с.
- Барабтарло 2011 – *Барабтарло Г.А.* Сочинение Набокова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 457 с.
- Идов 2009 – *Идов М.* Упомопрачительно единственный случай профессора Барабтарло. 16.12.2009 [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/selected/entry/10544> (дата обращения 22 мая 2018).

- Lambert, Gorp van 1985 – *Lambert José, Gorp Hendrik van. On Describing Translations // The Manipulation of Literature: Studies in Literary Translation /* Ed. by T. Hermans. London: Croom Helm, 1985. P. 42–53.
- Pevear 2007 – *Pevear R. “The Translator’s Inner Voice” // Материалы I Международного семинара переводчиков произведений Л.Н. Толстого.* [Тула]: Ясная Поляна, 2007. С. 74–83. (Серия «Семинары и конференции в Ясной Поляне», вып. 3.)
- Venuti 2017 – *Venuti L. The Translator’s Invisibility: A History of Translation.* New York: Routledge, 2017.

References

- Barabtarlo, G.A. (2017), “Translator’s biography”, Nabokov, V. *Pnin: roman* [Pnin: novel] Transl. from English by G. Barabtarlo with the participation of V. Nabokova, Azbuka, Saint Petersburg, Russia.
- Barabtarlo, G.A. (2010), “‘Laura’ and its translation”, in Nabokov, V. *Laura i ee original: Fragmenty romana* [The Original of Laura. Fragments of the novel] Transl. from English by G. Barabtarlo, Azbuka-klassika, Saint Petersburg, Russia, pp. 75-105.
- Barabtarlo, G.A. (2011), *Sochinenie Nabokova* [Composition of Nabokov], Izdatel'stvo Ivana Limbalkha, Saint Petersburg, Russia.
- Idov, V. (2009), “*Utopomrachimel'no edinstvennyi sluchai professora Barabtarlo*” [The incredibly only case of Professor Barabtarlo], [Online], available at: <https://snob.ru/selected/entry/10544> (Accessed 22 May 2018).
- Lambert, J. and Hendrik, G.V. (1985), “On Describing Translations”, *The Manipulation of Literature: Studies in Literary Translation*, T. Hermans (ed.), Croom Helm, London, UK, pp. 42-53.
- Pevear, R. (2007), “The Translator’s Inner Voice”, *Materialy I Mezhdunarodnogo seminarara perevodchikov proizvedenii L.N. Tolstogo* [Materials of the 1st International seminar of translators of the works of L.N. Tolstoy], Yasnaya Polyana [Tula], Russia, pp. 74-83.
- Venuti, L. (2017), *The Translator’s Invisibility: A History of Translation*, Routledge, New York, USA.

Информация об авторе

Екатерина А. Баракат, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, katerina.barakat@gmail.com

Information about the author

Ekaterina A. Barakat, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; katerina.barakat@gmail.com